
ПОЛНОМОЧИЯ ПРЕЗИДЕНТА США В СИСТЕМЕ СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ

П.А. Кучеренко

Кафедра конституционного и муниципального права
Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается ряд актуальных проблем, связанных с функционированием института Президента Соединенных Штатов Америки, изучаются и анализируются источники президентской власти, теория сдержек и противовесов, дается обзор и оценка терминологии данной темы. Автор исследует юридическую природу президентуры, взаимоотношения Конгресса и Президента США, роль решений Верховного суда США в определении места и роли Президента в правовой системе страны.

Ключевые слова: Президент США, Конгресс США, конкретные полномочия, клаузульные полномочия, структурные полномочия, экстратекстуальные полномочия, регламентируемые полномочия, остаточные полномочия, абсолютные полномочия.

Говоря о классификации президентских полномочий в контексте Конституции США, необходимо различать три аспекта проблемы [8. Р. 328].

1. Что именно следует считать источником президентской власти в США? Другими словами, можно ли найти этот источник в самой Конституции или президентская власть как таковая является лишь «рефлексом» исполнительной власти, явно упомянутой в Конституции, или же, наконец, власть Президента США является производной от других (помимо исполнительной ветви) конституционных источников верховной власти?

2. Что именно выполняет функцию сдержек и противовесов относительно президентских полномочий? В частности, могут ли Акты Конгресса ограничивать власть Президента?

3. Являются ли полномочия Президента исключительными по своей природе? Иначе говоря, могут ли Конгресс или legislatures штатов осуществлять полномочия, которые ассоциируются с властью Президента?

В контексте первого вопроса следует различать, как минимум, четыре вида верховной власти:

- 1) конкретные полномочия (specific powers);
- 2) так называемые клаузульные полномочия (vesting clause powers);
- 3) так называемые структурные полномочия (structural powers);
- 4) так называемые экстратекстуальные полномочия (extra-textual powers).

В контексте проблематики второго вопроса надо различать:

- 1) регламентируемые полномочия (regulable powers);

- 2) остаточные полномочия (residual powers);
- 3) абсолютные полномочия (absolute powers).

Наконец, в контексте третьего вопроса следует различать:

- 1) горизонтально конкурирующие полномочия (horizontally concurrent powers);
- 2) вертикально конкурирующие полномочия (vertically concurrent powers);
- 3) исключительные полномочия (exclusive powers).

Многие исследователи отмечают крайне неудачную терминологию, которой вынуждены пользоваться оппоненты в дискуссии о природе и пределах президентских полномочий. «Как сторонники, так и противники широкого прочтения президентских полномочий имеют досадную привычку ссылаться на «неотъемлемые» и «непронумерованные» полномочия президента, хотя эти прилагательные больше затемняют, чем проясняют» [8. Р. 239].

Например, когда ученый заявляет, что президент обладает неотъемлемыми полномочиями в сфере внешних сношений или обладает неотъемлемой властью смещать чиновников [3. Р. 863, 907], он должен отдавать себе отчет, что дает повод, по крайней мере, к троякому пониманию этого утверждения.

Во-первых, «неотъемлемость» можно понимать как некое присущее или «прирожденное» свойство самого института. Здесь многое определяет так называемый этимологический подход к анализу исходного термина. Так, слово «президент» в переводе на русский язык означает «председатель». С функцией председательства неотъемлемо связаны, например, полномочия надзора или контроля над просто заседающими. Если в этимологической перспективе проанализировать термин «глава исполнительной власти», то трудно будет спорить с тем, что с функциями главы исполнительной власти неотъемлемо связаны управленческие полномочия, вплоть до кадровых.

Во-вторых, уже за рамками лингвистического анализа прилагательное «неотъемлемые» можно понимать в контексте политической традиции. Так, если именно Президент с момента принятия Конституции всегда определял кадровый состав своего Кабинета и в том числе отстранял от должности сотрудников Кабинета, то «неотъемлемость» этого полномочия будет основываться лишь на непрерывности политической традиции.

В-третьих, называя те или иные полномочия президента «неотъемлемыми», исследователь может просто иметь в виду их формальную конституционность, т.е. тот простой факт, что эти полномочия дарованы (granted) Конституцией. Другими словами, они заявлены в нормативном тексте Конституции США.

Как видим, говоря о «неотъемлемых полномочиях» Президента, исследователь рискует запутаться в клубке этимологического, историко-политического и формально-юридического аспектов этого «термина». Особенно последний аспект не имеет в себе ничего «неотъемлемого»: здесь воля учредителя просто решила, что какие-то полномочия будут «неотъемлемы» от власти Конгресса, а какие-то — «неотъемлемы» от власти Президента. По ироничному замечанию профессора Пракаша, в таком словоупотреблении есть некая тяга увязать власть Президента с первоэлементами мироздания: «В той мере, в которой вода явля-

ется неотъемлемо мокрой, некоторые хотят донести смысл, что некие полномочия Президента носят для института президента столь центральный характер, что они являются неотъемлемыми полномочиями» [8. Р. 330].

Такая же зыбкая периферия многозначности характерна и для понятия «**непронумерованные полномочия**» (unenumerated powers) [4. Р. 1346]. Этимологически термин подсказывает, что Президент имеет ряд полномочий, так сказать, «за скобками» конституционного текста. Другими словами, некоторые президентские полномочия присущи институту президента как таковому, а молчание о них Конституции не является аргументом против их наличия уже за рамками конституционного текста. Как видим, сама идея «непронумерованных полномочий» сильно напоминает платоновские эйдосы, или мир идеальных сущностей. Эта идея вообще неорганична для индуктивной природы англо-американской правовой традиции.

Юристы, применяя понятие «непронумерованные полномочия» — в отличие от политологов и социологов — не будут использовать институциональные аргументы, а попытаются установить генетическую связь определенного «непронумерованного полномочия» с ближайшим по «семейному сходству» полномочием, явно закрепленным в нормативном тексте Конституции. Юридический подход (при удачном «спаривании») позволяет обеспечить квазилегитимный характер непронумерованного полномочия. Однако при неудачном результате такой «легитимации» у сторонников широкого прочтения президентских полномочий всегда остается этимологически-институциональный аргумент: некоторые полномочия президента есть у него потому, что они присущи институту президента как таковому.

По мнению профессора Пракаша, по крайней мере в юридических дискуссиях следует отказаться от понятий «неотъемлемые полномочия» и «непронумерованные полномочия» в пользу более четких терминов:

- 1) конкретные полномочия (specific powers);
- 2) клаузульные полномочия, т.е. предоставленные в силу т.н. исполнительной клаузулы (vesting clause powers);
- 3) структурные полномочия (structural powers);
- 4) экстратекстуальные полномочия (extra-textual powers) [8. Р. 331].

Конкретные полномочия (specific powers). Статья Первая (Секция 7) и статья Вторая (Секция 2) Конституции США предоставляют Президенту различные конкретные полномочия, включая право вето, право политических и кадровых назначений и право заключать международные договоры. Конкретными их следует считать не потому, что они предельно точны и недвусмысленны, а потому, что они специально перечислены в нормативном тексте Конституции.

В некотором роде формальный аспект конкретных полномочий, т.е. их фиксация в нормативном тексте Конституции, отодвигает на задний план их содержательный аспект. Данный тип президентских полномочий носит нейтральный характер в том смысле, что не поддерживает ни концепцию ограничительного толкования полномочий Президента, ни концепцию расширительно-

го их толкования. Мы только знаем, что некие полномочия Президента существуют в конституционно-правовом пространстве, но Конституция намеренно (?) ничего не говорит об объеме и возможной динамике этих полномочий.

Клаузульные полномочия, предоставленные в силу так называемой исполнительной клаузулы (vesting clause powers). (Генеральной) Исполнительной клаузулой Президента в традиции конституционного права США принято считать статью Вторую Секцию Первую Конституции США, которая наделяет (vest) Президента «исполнительной властью» в качестве ее главы. К клаузульным полномочиям разные исследователи относят полномочия смещать с должности чиновников федеральной администрации [6. Р. 1779, 1816–1817], исполнять законы [2. Р. 541, 570–581], а также применять власть в определенных чрезвычайных ситуациях [5. Р. 289, 305].

Как и с предыдущей категорией конкретных президентских полномочий, в отношении клаузульных полномочий нельзя сказать ничего определенного ни в пользу концепции расширительного толкования президентских полномочий, ни в пользу их ограничительного толкования. В принципе нет логического препятствия для того, чтобы понимать термин «исполнительная власть», главой которой является президент, как «формальный ярлык», который не несет в себе дополнительную нагрузку ввиду неизбежности неких «клаузульных полномочий».

Структурные полномочия. Данный вид полномочий выводится из анализа структуры Конституции, отсюда их название. На первый взгляд, в контексте романо-германской правовой семьи структурные полномочия можно было бы назвать органическими полномочиями. Однако важное формальное отличие заключается в том, что органические полномочия (например, в конституционном праве Франции) всегда возникают на основе и действуют в силу соответствующих органических законов.

Органические же законы являются конкретизацией, во-первых, отдельных положений Конституции за ее рамками, во-вторых, программа этих положений всегда заявлена в соответствующей бланкетной норме Конституции. Другими словами, органические полномочия никогда не являются латентными, потенциальными полномочиями, умозрительно выводимыми из нормативного текста Конституции, каковыми, судя по всему, являются структурные полномочия президента, выводимые из американской Конституции.

Итак, структурные полномочия Президента не являются детализацией или конкретизацией отдельных полномочий Президента, закрепленных в Конституции. Скорее, их можно рассматривать как разумные выводы из так называемого систематического анализа Конституции как тотальности, или целостности, несводимой к отдельным конституционным принципам. Структурные полномочия обычно устанавливаются в рамках судебной интерпретации, но иногда и в рамках доктринального толкования.

Пример структурного полномочия, сформулированного судьями, содержится, например, в известном деле «Соединенные Штаты против Никсона». Речь идет, в частности, о так называемой привилегии исполнительной власти

(executive privilege). При этом судьи Верховного Суда используют следующую формулировку: «Нигде в Конституции... не содержится явное указание на привилегию конфиденциальности. Однако в той части, в которой заинтересованность в конфиденциальности связана с эффективным исполнением полномочий президента, она (эта привилегия — *П.К.*) имеет конституционное основание» (*United States v. Nixon*, 418 U.S. 683, 711 (1974)).

В качестве примера структурного полномочия, возникшего в рамках доктринального толкования Конституции, можно привести также иммунитет Президента против привлечения его в качестве ответчика по гражданским делам в период осуществления полномочий. Профессора Амар и Катъял формулируют этот иммунитет следующим образом: «Логика структуры Конституции, опоясывающая (*undergirding*) временный иммунитет, с еще большей силой применяется и к Президенту» [1. P. 701, 713–715].

Экстратекстуальные полномочия Президента по определению возникают из источников, находящихся за рамками как нормативного текста *per se*, так и структурного («тотального») смысла Конституции. В деле «Соединенные Штаты против Кэртис-Райт Экспорт Корпорейшн» судьи Верховного Суда пришли к выводу, что внешнеполитические полномочия федерального правительства имеют своим источником не Конституцию США, а саму природу государственного суверенитета. Далее, Верховный Суд сделал вывод, что именно Президент является единственным (*sic!*) органом взаимодействия США с иностранными государствами (*United States v. Curtiss-Wright Exp. Corp.*, 299 U.S. 304, 319-20 (1936)).

Выводами судей Верховного Суда в данном деле можно восхищаться или же высмеивать в качестве выдающегося образчика «юридической логики», но вряд ли можно признать порочной саму идею выводить полномочия верховных органов государственной власти из категории государственного суверенитета или прочих принципов «общего конституционного права», перекрывающих и в чем-то унифицирующих специфику национальных конституций.

На первый взгляд, классификация полномочий Президента, которую предложил профессор Пракаш, должна устранять двусмысленность и неопределенность аргументации при анализе «темных» полномочий Президента, т.е. таких полномочий, которыми он пользуется, но природа происхождения которых непонятна до конца. Иначе говоря, можно предположить, что профессор Пракаш создал эвристичную модель толкования природы полномочий Президента, которая должна работать в так называемом альтернативном режиме. Это значит, что каждый дискуссионный акт Президента попеременно «прикладывается» к одному из четырех вышперечисленных типов полномочий до тех пор, пока не будет найдено соответствие.

Возникает несправедливый вопрос: «А что, собственно, меняется, если мы полномочие Президента США смещать с должности членов Кабинета и других должностных лиц федерального правительства будем теперь анализировать не в терминах неотъемлемых полномочий, а, скажем, в терминах клаузульных полномочий?»

Любая попытка ответить на этот вопрос сразу же выводит нас из области нормативного конституционного права в область политического конституционного права США. Как ни парадоксально, несмотря на мультипликацию, «раздробление» категории неотъемлемых полномочий Президента, классификацию Пракаша нельзя однозначно отнести к теории расширительного толкования этих полномочий. С формально-юридической стороны классификацию Пракаша можно рассматривать и как попытку создать схему ограничительного толкования власти Президента.

В самом деле, профессор Пракаш фактически предложил сторонникам расширительного толкования полномочий ограничиться четырьмя возможными моделями интерпретации всех дискуссионных аспектов президентской власти («что свыше, то от лукавого»). Если отдельный акт Президента не подпадает ни под одну из четырех категорий полномочий, то он должен быть признан неконституционным, несмотря на презумпцию его «неотъемлемости» в перспективе президентциализма.

С другой стороны, совершенно очевидно, что классификация полномочий Президента, предложенная профессором Пракашем, существенно затрудняет аргументацию и для оппонентов расширительного толкования президентских полномочий. Раньше им было достаточно находить все новые и новые аргументы неадекватности самого термина (неотъемлемые полномочия), в который облекаются все дискуссионные аспекты власти Президента. Теперь же им придется доказывать неадекватность трех типов «внеконституционных полномочий» Президента вместо одного либо доказывать, что какой-то акт Президента не подпадает ни под одну из предложенных категорий полномочий.

В остатке сторонники расширительного толкования президентских полномочий больше приобретают, чем теряют. Ведь достаточно грамотно соединить средства нормативного конституционного права и средства политического конституционного права (т.е. политическую риторику с юридическим подтекстом), чтобы найти соответствие между дискуссионным актом Президента и, по крайней мере, с одной из предложенных Пракашем категорий президентских полномочий.

Вместе с тем нельзя утверждать, что как идеологическое, так и конституционно-правовое пространство в США определяют только президентциалисты, а удел конгрессистов заключается лишь в том, чтобы вести «арьергардные бои под натиском превосходящих сил противника». В действительности Конгресс сохраняет за собой некоторые серьезные инструменты сдерживания экспансии президентской власти.

Среди полномочий Президента США немало таких, которые подлежат оформлению Актами Конгресса. Такие полномочия профессор Пракаш, как мы выше видели, предлагает называть **регулируемыми полномочиями** президента. Реализацию указанных полномочий Президентом Конгресс может затруднить, сдержать, замедлить и т.п. Например, Конституция наделяет Президента полномочием смещения должностных лиц. Однако на основании ст. 1 Конституции США Конгресс может издать законодательный акт, по которому прежде чем отправлять того или иного чиновника в отставку Президенту понадобится

получить одобрение Конгресса. И неоднократно в XIX в. Конгресс настаивал на том, что Сенат должен давать согласие на все отставки должностных лиц в федеральных органах исполнительной власти (272 U.S. at 164–77).

Если нет препятствий рассматривать власть Президента смещать должностных лиц в качестве регулируемого полномочия, то — по аналогии — полномочие Президента делать назначения в федеральной системе исполнительной власти также можно рассматривать в качестве президентского полномочия, регулируемого Конгрессом. В частности, Конгресс может законодательно закрепить требование, чтобы претенденты на ту или иную должность соответствовали определенным цензам (возрастному, например, «не моложе 35 лет», или образовательному, например, «при наличии диплома о высшем экономическом или юридическом образовании» и т.п.).

Другим типом относительно прозрачных для парламентского контроля полномочий Президента являются так называемые **остаточные полномочия**. Эти полномочия можно также переформулировать в терминах спящих, или латентных полномочий Конгресса. Другими словами, некоторые полномочия Конгресса становятся остаточными в том случае, когда парламентарии могут, но — по тем или иным причинам — не желают их реализовывать самостоятельно.

Отсюда третье возможное определение остаточных полномочий исполнительной власти. Это — молчаливо делегированные Президенту полномочия Конгресса [7. P. 231, 253–254]. Если определенное полномочие Президента подпадает под рубрику остаточных полномочий, то это означает существенное сокращение маневра для всевозможных усмотрений или дискреционной власти Президента. Прежде всего, Президент не вправе действовать вразрез с соответствующим Актом Конгресса, на основании которого Президент как глава исполнительной власти пользуется остаточным полномочием.

В качестве остаточных полномочий Президента некоторые исследователи называют компетенцию Президента определять средства инфорсmenta (реализации) законов, а также полномочия Президента в качестве Главнокомандующего. Например, если определенный федеральный закон (Акт Конгресса) дает указание о строительстве какого-то федерального объекта и выделяет на это финансирование без указания дополнительных деталей, то Президент как глава исполнительной власти вправе давать распоряжения по внешнему виду объекта, его будущим функциям, месту строительства и т.п. Но, с другой стороны, все эти моменты законодатели могут урегулировать в самом статуте. В этом случае Президент будет вынужден следовать детализированным требованиям Конгресса.

По аналогии в некоторых случаях полномочия Президента в качестве Главнокомандующего подлежат ограничению законодательными средствами, т.е. со стороны Конгресса, существенно затрудняя дискреционную власть Президента [10. P. 183, 213–217]. Так, если Конгресс примет решение, по которому военнослужащим США будет запрещено принимать участие в боевых действиях за пределами США, или зарезервирует некоторые виды кораблей только для охраны побережья США, то Президенту США в качестве Главнокомандующего придется считаться с такими ограничениями. Как видим, активизируя свое ла-

тентное полномочие, Конгресс может использовать его как своеобразный козырь в системе сдержек президентской власти.

Абсолютные полномочия Президента по определению не подлежат каким-либо ограничениям. Конгресс в этой части лишен возможности взять на себя реализацию указанных полномочий, а также не имеет компетенции регулировать способы их реализации Президентом. Таким образом, абсолютным полномочием можно признать только такое полномочие, которое не является ни регулируемым, ни остаточным. В качестве примера абсолютного полномочия Президента можно назвать право помилования.

В федеративном государстве полномочия главы исполнительной власти могут пересекаться как по горизонтали, так и по вертикали. Как ни парадоксально, как раз благодаря концепции подразумеваемых полномочий Президента существует значительный потенциал для фактических коллизий по горизонтали между сферой полномочий Конгресса и сферой полномочий главы государства, с одной стороны, и коллизий по вертикали между сферой полномочий федерального правительства и органами государственной власти штатов (субъектов федерации). Этот парадокс, на наш взгляд, объясняется тем, что вертикальные политические отношения внутри США далеко не всегда развиваются по правилам дуалистической федерации.

Проблема усугубляется еще и тем, что конституционно-правовое устройство США за последние 200 лет объективно изменилось до такой степени, что многие факты политической жизни уже не поддаются доктринальному анализу в терминах дуалистического федерализма. Можно утверждать, что в настоящее время динамика конституционно-правовой мысли в США характеризуется дуализмом конкурирующих концепций:

- доктрины дуалистической федерации (ориджинализм);
- доктрины унитаристской федерации (нон-ориджиализм).

В этот список чисто теоретически можно было бы добавить и доктрину кооперативной федерации, но эта по преимуществу германская концепция союзного государства не имеет среди конституционалистов США достаточного количества сторонников.

Можно утверждать, что возникшая в ходе более чем двухсотлетней интерпретации Конституции США доктрина подразумеваемых полномочий Президента все больше и больше оттесняет на второй план ориджиналистскую доктрину исключительных полномочий Конгресса. При этом сторонники расширительного толкования президентской власти фактически «приватизировали» концепцию исключительных полномочий только для Президента. Иначе говоря, согласно этой логике только Президент обладает исключительными полномочиями, что касается каких бы то ни было полномочий Конгресса, то они всегда могут быть «оспорены» с позиций подразумеваемых полномочий Президента США. Ясно, что подобная аргументация президентциалистов плохо совместима с доктриной сдержек и противовесов.

Как бы то ни было, внутри пространства политического взаимодействия Конгресса и Президента всегда присутствует потенциал для так называемого горизонтального конфликта компетенций. Следует сразу отметить, что почти всегда речь идет о позитивном конфликте, когда и Конгресс, и Президент претендуют на осуществление одной и той же функции. Негативный конфликт в этой сфере возможен в том случае, когда ни Конгресс, ни Президент не желают брать на себя ответственность за последствия того или иного акта большой государственной важности.

Конституция нередко заявляет о том, что те или иные полномочия носят исключительный характер. Такой подход характерен для закрепления многих положений ст. 1, регламентирующей полномочия Конгресса. Однако в ст. 2, посвященной регламентации полномочий Президента, часто возникает вопрос, какова природа того или иного полномочия: является ли оно исключительным или же речь идет о конкурирующем полномочии, которому противостоит аналогичное полномочие Конгресса?

При этом Конгресс осуществляет подобные полномочия посредством принятия соответствующих статутов при последующей конкурирующей компетенции Президента применить отлагательное вето. По мнению профессора Пракаша, нет конституционных препятствий, например, для перевода компетенции смещать с должности федеральных чиновников исполнительной власти из режима подразумеваемых полномочий (*implied powers*) Президента в режим конкурирующих полномочий Конгресса и Президента [6. P. 1779, 1816–1817].

При этом Конгрессу достаточно будет принять статут, регулирующий порядок смещения с должности федеральных чиновников. Более того, в этом статуте Конгресс может предельно сузить сферу усмотрения Президента посредством максимальной детализации процесса увольнения. Аналогичным образом ряд исследователей полагает, что у Конгресса есть конкурирующее полномочие заслушивать регулярные отчеты руководителей федеральных департаментов исполнительной власти [11. P. 696, 727].

Разумеется, применение конкурирующего полномочия Конгрессом посредством статута не означает, что исполнение положений этого статута Президентом превращается в остаточное полномочие главы исполнительной власти. В самом деле, статутная власть Конгресса, в рамках которой реализуются его конкурирующая компетенция, полностью соответствует принципу сдержек и противовесов и никоим образом не ущемляет исполнительную власть Президента.

Поскольку США являются федеративным государством, то всегда открыт потенциал для взаимодействия системы федеральной исполнительной власти и административных систем штатов в режиме вертикального конфликта компетенций. Так же, как и в случае с горизонтальной коллизией полномочий Конгресса и Президента, при вертикальном конфликте полномочий возможна как позитивная, так и негативная версия такого конфликта.

Более того, можно предположить, что губернаторы штатов тем чаще будут испытывать соблазн избежать ответственности путем указания на конкурирующие полномочия Президента, чем меньше Конгресс будет уделять внимания по

возможности детальному законодательному разграничению исполнительной власти Президента с одной стороны и исполнительной власти губернаторов штатов — с другой. Как бы то ни было, по мнению профессора Рэмси, законодательства штатов и их исполнительные органы вправе заключать международные соглашения с разрешения Конгресса, т.е. минуя президента [9. P. 259–282].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Amar A.R., Katyal N.K.* Executive Privileges and Immunities: The Nixon and Clinton Cases // *Harvard Law Review*. — 1995. — Nr. 108.
- [2] *Calabresi St.G., Prakash S.B.* The President's Power to Execute the Laws // *Yale Law Journal*. — 1994. — Nr.104.
- [3] *Chemerinsky E.* Controlling Inherent Presidential Power: Providing a Framework for Judicial Review // *Southern California Law Review*. — 1983. — Nr. 56.
- [4] *Froomkin M.* The Imperial Presidency's New Vestments // *Northwestern University Law Review*. — 1994. — Nr. 88.
- [5] *Lawson G.* Ordinary Powers in Extraordinary Times: Common Sense in Times of Crisis // *Boston University Law Review*. — 2007. — Nr. 87.
- [6] *Prakash S.* Removal and Tenure in Office // *Virginia Law Review*. — 2006. — Nr. 92.
- [7] *Prakash S.B., Ramsey M.D.* The Executive Power over Foreign Affairs // *Yale Law Journal* — Nr. 111.
- [8] *Prakash S.B.* A Taxonomy of Presidential Powers // *Boston University Law Review*. — Nr. 88.
- [9] *Ramsey M.D.* The Constitution's Text in Foreign Affairs (2007).
- [10] *Skibell R.* Separation-of-Powers and the Commander in Chief: Congress's Authority To Override Presidential Decisions in Crisis Situations // *George Mason Law Review*. — 2004. — Nr. 13.
- [11] *Strauss P.L.* Overseer, or «The Decider»? : The President in Administrative Law // *The George Washington Law Review*. — 2007. — Nr.75.

POWERS OF THE PRESIDENT IN THE U.S. SYSTEM OF CHECKS AND BALANCES

P.A. Kucherenko

The Department of Constitution and Municipal Law
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article discusses a number of pressing problems related to the functioning of institutions of the President of the United States. It studies and analyzes the sources of presidential power, the theory of checks and balances, and provides an overview and assessment of the terminology of the topic. The author examines the legal nature of the presidency and the relationship of Congress and the President of the United States. Furthermore, he analyzes the role of U.S. Supreme Court decisions in determining the place and role of the President within the framework of the legal system.

Key words: President of the USA, Congress of the USA, Specific powers, Vesting clause powers, Structural powers, Extra-textual powers, Regulable powers, Residual powers, Absolute powers.